

**РАБОЧАЯ
ТЕТРАДЬ**

№ 59 / 2020

Российский совет
по международным
делам

IRAS
The Institute for Iran-Eurasia Studies
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ИРАНА И ЕВРАЗИИ
موسسه مطالعات ایران و اوراسیا

Россия и Иран в Сирии и за ее пределами: предстоящие вызовы

Андрей Кортунов
Алексей Хлебников
Мехди Санаи
Махмуд Шури

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ИРАНА И ЕВРАЗИИ**

МОСКВА 2020

УДК 327([470+571+55]:569.1)

ББК 66.4(2Рос),9(5Сир)+66.4(5Ирн),9(5Сир)

Р76

Российский совет по международным делам

Центр по изучению Ирана и Евразии

Авторский коллектив:

С российской стороны:

Андрей Картунов, канд. ист. наук; **Алексей Хлебников**

С иранской стороны:

Мехди Санаи, доктор политических наук; **Махмуд Шури**, доктор международного права

Выпускающие редакторы:

Руслан Мамедов; Петр Картунов; Ольга Пылова

Р76 **Россия и Иран в Сирии и за ее пределами: предстоящие вызовы:** рабочая тетрадь № 59/2020 / [Андрей Картунов, Алексей Хлебников, Мехди Санаи, Махмуд Шури]; Российский совет по международным делам (РСМД). – Москва: НП РСМД, 2020. – 36 стр. – Авторы указаны на обороте тит. л.

ISBN 978-5-6044165-8-7

Данная работа посвящена анализу важнейших моментов ближневосточных кризисов, а также тому, в чем интересы Москвы и Тегерана совпадают и в чем противоречат друг другу. Дается оценка ряда ключевых вопросов политической обстановки в регионе, таких как ситуация в Идлибе, перспективы политического процесса в Сирии, роль Израиля в будущем региона, путь к восстановлению Сирии и влияние политики США на зарождающийся новый порядок на Ближнем Востоке. И Россия, и Исламская Республика Иран считают друг друга необходимыми компонентами региональной архитектуры Ближнего Востока в будущем. В исследовании описываются позиции Москвы и Тегерана по этим вопросам.

Высказанные в рабочей тетради мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам». Переводчики несут полную ответственность за любые неточности в переводе.

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/paper59

© IRAS, 2020

© Хлебников А.Л., 2020

© Перевод на русский язык, составление, оформление, дизайн обложки, текст. НП РСМД, 2020

Содержание

Введение	4
Основные вызовы и угрозы	5
Переговорный процесс и послевоенное восстановление Сирии	5
Оценка международного вмешательства	6
Будущее Ближнего Востока: битва интересов продолжается. Взгляд из Ирана	9
Введение	9
Кризис в Сирии: проблемы остаются серьезными	10
Все надежды на Астанинский процесс	13
Негативная роль Израиля	15
Эскалация напряженности между Ираном и США: в ожидании катастрофы?	16
Заключение	18
На пути к стабилизации в Сирии и за ее пределами в 2021 г. Взгляд из России	20
Введение	20
Основные вызовы и угрозы	20
Тупиковая ситуация в Идлибе	22
Неопределенность ситуации с территориями к западу от Евфрата и курдами	24
Конституционный комитет	25
Постконфликтное восстановление	26
Новая архитектура региональной безопасности	29
Об авторах	31

Введение

Андрей
Кортунов,
Мехди Санаи

Продолжающийся сирийский кризис оказал глубокое влияние не только на саму Сирию и регион Ближнего Востока, но и на геополитическую обстановку в целом. Этот кризис во многих отношениях стал поворотной вехой в российско-иранских отношениях. Он сблизил две страны, активизировал двусторонние контакты в различных областях и на разных уровнях, а также способствовал достижению лучшего взаимопонимания и большего доверия между Москвой и Тегераном. Сирия стала не только серьезной проверкой на прочность российско-иранского сотрудничества, но и мощным катализатором его дальнейшего углубления, в том числе в областях, напрямую не связанных с самим сирийским конфликтом.

Российско-иранское взаимодействие по Сирии отличается существенная устойчивость. Многие аналитики и политики, особенно на Западе, утверждали, что это взаимодействие носит в основном ситуативный, тактический и неустойчивый характер. Они отмечали, что интересы России и Ирана в Сирии вовсе не идентичны, что эти две страны являются не только партнерами, но и конкурентами, причем не только в Сирии, но и в регионе в целом. Скептики предвещали наступление серьезного кризиса в этих отношениях, которого на самом деле так и не произошло.

В то же время говорить об эволюции российско-иранских отношений в Сирии или где-либо еще в настоящее стратегическое партнерство было бы по меньшей мере преждевременным. На пути к такому партнерству существует немало препятствий. Интересы России и Ирана в Сирии действительно совпадают, но отнюдь не полностью. При всей схожести позиций двух стран в отношении региональной безопасности, терроризма и многополярного мира, а также близости представлений обеих сторон о будущем Сирии, они не являются идентичными. Различия в подходах обусловлены разной историей, политической культурой, географией и многими другими факторами. Вместе с тем крайне важно, чтобы российско-иранское партнерство было плодотворным, достигло своих целей и могло служить примером успешного взаимодействия при решении других задач. У России и Ирана накоплен немалый опыт борьбы с терроризмом и защиты законного сирийского правительства. Очень важно выработать и согласовать условия послевоенного политического устройства, что обычно представляет даже большую сложность.

Вот почему доклад «Россия и Иран в Сирии и за ее пределами: что ждет впереди», подготовленный совместными усилиями Российского совета по международным делам (РСМД) и Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS), представляется столь актуальным и важным. Эксперты из обеих стран проводят сравнительный анализ российского и иранского подходов к сирийскому кризису с целью выявления в них как совпадений, так и расхождений. Они не стремятся изобразить радужную картину или же сделать упор на существующие проблемы и разногласия между Москвой и Тегераном, но и не вторят стереотипным представлениям о неизбежном крахе

российско-иранского сотрудничества в Сирии и за ее пределами. Кратко резюмируем основные выводы доклада.

Основные вызовы и угрозы

Новая волна эскалации. Российские и иранские эксперты сходятся во мнении, что кризис в Сирии уже прошел фазу ведения боевых действий и перешел в политическое измерение. При этом обе стороны обеспокоены тем, что пока что невозможно полностью исключить вероятность новой эскалации. И Москва, и Тегеран признают существование проблемы курдов, а российские эксперты считают территории Идлиба и Восточного Евфрата потенциальными горячими точками нового противостояния.

Террористическая угроза. Несмотря на ликвидацию основных сил организации «Исламское государство» (ИГ, организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ), идеи создания Исламского халифата по-прежнему живы, что, вкупе с амбициями ряда ближневосточных государств, может привести к возобновлению террористической деятельности. Вот почему, по мнению как российских, так и иранских экспертов, высокоприоритетной задачей является стабилизация положения на освобожденных территориях.

Сложность послевоенного восстановления. Эксперты с обеих сторон считают восстановление политической системы Сирии и снятие экономических санкций сложными проблемами текущего и предстоящего этапов. Иранские эксперты выражают обеспокоенность по поводу того, что возможная стабилизация ситуации в Сирии создаст общественный спрос на повышение уровня жизни, отсутствие которого может спровоцировать новую волну беспорядков. Решение проблемы послевоенного восстановления российские эксперты видят в необходимости международных действий и вовлечении арабских государств. Последнее же вызывает озабоченность у иранской стороны, которая рассматривает усиление арабского влияния в Сирии как угрозу для Ирана.

Постановка целей. Участвуя в кризисе, оба государства по-разному определяют свои цели. Цели России заключаются в трансформации военных побед в политические и экономические дивиденды. Иранские же эксперты используют формулировку поддержки режима, который является «ключевым звеном на оси сопротивления». Они также выделяют всемерное укрепление экономических связей с Сирией в качестве одной из главных целей Ирана.

Переговорный процесс и послевоенное восстановление Сирии

Астанинский процесс. Обе стороны подчеркивают важность трехсторонних переговоров между Россией, Ираном и Турцией для эффективного решения проблемы. Иранские эксперты возлагают на Астанинский процесс большие надежды, рассматривая вышеупомянутое трехстороннее сотрудничество как «возможно, единственный способ урегулирования сирийского кри-

зиса». Для создания площадки по обмену мнениями иранские эксперты также предлагают вовлечь в этот процесс европейские государства и Китай в качестве заинтересованных сторон.

Привлечение иностранных государств. Российской стороной также признается большое значение трехсторонних переговоров, подчеркивается их важность и акцентируется внимание на заинтересованности России в укреплении влияния на страны региона, прежде всего на Сирию, но без серьезной вовлеченности в решение региональных проблем. Принимая во внимание вышеупомянутые причины, для России представляется целесообразным привлечь к восстановлению Сирии региональных партнеров в лице арабских государств, обеспокоенных растущим влиянием в регионе Турции и Ирана, что может послужить для них дополнительным стимулом. Участие в восстановлении Сирии европейских коллег в нынешних условиях Россия считает маловероятным, однако взаимодействие в гуманитарной сфере может положить начало такому сотрудничеству.

Новая конституция. Политическое устройство Сирии также вызывает озабоченность у экспертов обеих стран. Обе стороны согласны с неэффективностью работы Конституционного комитета Сирии. В исследовании российского эксперта подчеркивается, что одной из основных проблем комитета является отсутствие в нем инклюзивности, поскольку из-за опасений возможного обострения отношений с Турцией в комитете не представлена такая мощная партия, как курды.

Смена власти. Иранские эксперты предполагают, что, если новая конституция не будет разработана и принята, то, в соответствии с действующей конституцией, президентские выборы 2021 г. в Сирии могут быть отложены, что позволит Башару Асаду продлить свое пребывание у власти еще на какое-то время. Россия же занимает по этому вопросу иную позицию, поскольку исходит из того, что сложный комплекс проблем, обусловленных экономическим кризисом, международным вмешательством и общим давлением, повлияет на позицию Дамаска и подтолкнет его к компромиссу. Но в любом случае как Москва, так и Тегеран крайне заинтересованы в том, чтобы в Сирии воцарилась стабильность, пусть даже относительная.

Проблема беженцев. По вопросу разрешения кризиса с беженцами мнения экспертов расходятся. Иранские эксперты считают, что из-за нынешнего положения дел в стране решение проблемы беженцев в ближайшее время невозможно, а по мнению российских экспертов, репатриация беженцев необходима для восстановления сирийской национальной экономики. При этом эксперты не исключают возможность появления проблем в ходе реализации процесса.

Оценка международного вмешательства

Турция. Обе стороны уделяют особое внимание турецкому фактору и обеспокоены ростом влияния Турции. В то же время они осознают важность Турции как партнера в трехстороннем сотрудничестве по дальнейшему восста-

новлению Сирии. Российские эксперты подчеркивают «аннексию» Идлиба и недостаточность мер, принимаемых Турцией для борьбы с терроризмом и радикалами, что, возможно, вызвано желанием Турции иметь дополнительные рычаги воздействия в процессе переговоров.

Соединенные Штаты Америки. Эксперты из обеих стран подчеркивают роль США в конфликте и регионе в целом. Утверждается, что, несмотря на объявленный вывод американских войск из страны в 2018 г., США по-прежнему поддерживают курдов и Сирийские демократические силы (СДС). Эксперты из России полагают, что в настоящий момент США не заинтересованы в разрешении сирийского конфликта, и это может быть причиной тупика в переговорном процессе. Иранские эксперты оценивают действия альянса США–Израиль как способ давления на Тегеран, подтверждением чему являются выход США из СВПД, убийство генерала Сулеймани, попытки продлить эмбарго против Ирана, воздушные удары Израиля по позициям Ирана в Сирии и т.д. Все эти действия расцениваются как провокации с целью подтолкнуть Иран и весь Ближний Восток к эскалации регионального кризиса. По словам иранских экспертов, Тегеран готов им противостоять и занимает позицию «стратегического терпения», которое пока позволяет избежать очередного регионального кризиса. Однако если США продолжат проводить политику максимального давления, Иран будет готов принять более решительные действия.

Израиль. Позиции сторон в значительной мере расходятся по вопросу роли Израиля в конфликте. Российские эксперты подчеркивают, что Россия ведет переговоры как с Ираном и Турцией с одной стороны, так и странами Ближнего Востока, включая традиционных союзников США, с другой. К числу последних относится и Израиль. Такая позиция позволяет России сохранять роль добросовестного посредника в регионе в силу равноудаленности и беспристрастности по отношению к ключевым региональным игрокам. Иранские эксперты считают позицию Москвы в отношении Израиля единственной проблемой, существующей между Россией и Ираном в Сирии. По их мнению, многочисленные удары израильской авиации по сирийским позициям стали возможны благодаря тому, что Москва закрывала на это глаза, что в иранском экспертном сообществе не может не вызывать вопросов. В то же время Иран подчеркивает, что в ходе переговоров по урегулированию конфликта он воздерживается от вынесения разногласий с Израилем на повестку дня.

Региональное значение. Обе стороны признают, что сирийский кризис является важной проблемой для всех государств Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). В соответствии с вышеупомянутыми позициями, Россия и Иран играют в регионе роль посредников, что позволяет им использовать военные успехи в Сирии для укрепления Российской Федерацией своего политического влияния и экономического положения, поддержать дружественный режим в Сирии и усилить в регионе позиции Ирана.

Данная рабочая тетрадь РСМД и IRAS не ставит перед собой задачи освещения всех аспектов российско-иранского взаимодействия в Сирии и вокруг

нее. Это очень широкая и неоднозначная тема, требующая более тщательного исследования со стороны российских и иранских академических кругов. К сожалению, до сегодняшнего дня эксперты не располагали возможностью проведения более тесной совместной исследовательской работы. В своих исследованиях они, как правило, опираются в первую очередь на косвенные источники и зачастую на весьма предвзятые мнения, высказываемые на Западе.

Желательно поднять на новый уровень нынешний весьма скромный диалог «второго трека» между нашими двумя странами, причем не только по Сирии, но и по другим важным аспектам двусторонних отношений, а также по вопросу восприятия Россией и Ираном региональных и глобальных трендов, проблем и возможностей. Ведь открытый и откровенный диалог является непременным условием зрелого сотрудничества. Мы надеемся, что эта небольшая рабочая тетрадь станет полезным, хотя и относительно скромным шагом в этом направлении.

Будущее Ближнего Востока: битва интересов продолжается. Взгляд из Ирана

Введение

Махмуд Шури

На протяжении многих лет страны Ближнего Востока были известны тем, что их правительства продавали нефть и покупали оружие. В последние десятилетия к этим двум традиционным чертам добавились терроризм и экстремизм. Благодаря незатухающему палестино-израильскому конфликту, нестабильность в регионе пустила глубокие корни и создала благодатную почву для роста экстремизма и терроризма, чему немало способствовало безответственное вмешательство западных держав, особенно в последние годы.

В последние десятилетия отличительной особенностью Ближнего Востока стало разнообразие различных подходов, направленных на обеспечение влияния на регион в будущем и его формирование с использованием всех законных и незаконных инструментов жесткой и мягкой силы. На фоне происходящих в регионе событий увеличить свое влияние в нем всячески стремятся все игроки. Это и глобальные центры силы, такие как США, Европа и Россия, и региональные державы, такие как Иран, Турция, Израиль и Саудовская Аравия, и даже как крупные, так и мелкие формирования действующих в регионе боевиков (их в несколько раз больше, чем стран в регионе). Более четырех десятилетий назад в Иране свершилась Исламская революция, которая изменила соотношение сил в регионе, установленное по лекалам холодной войны, и представила новый формат регионального политического ландшафта. Около двух десятилетий назад бывший президент США Джордж Буш-младший запустил свой неоднозначный интервенционистский план, якобы призванный построить более демократический и процветающий Ближний Восток. В результате на сегодняшний день регион раздирают противоречия: стремление расширить свое влияние в нем недвусмысленно демонстрирует Турция, Саудовская Аравия и ряд ее союзников пытаются сохранить прежний порядок, курды требуют создания независимого государства, а экстремистские группировки стремятся возродить Исламский халифат. Этот список можно продолжить усилиями Израиля принудить к миру палестинские группировки и добиться стабильности на оккупированных территориях, а также стремлением России обеспечить в регионе свои интересы в сфере национальной безопасности и играть более значимую роль в ближневосточном балансе сил. Столкновение интересов всех этих акторов привело к разрастанию вооруженного конфликта, росту экстремизма, перемещению миллионов людей в Ираке, Афганистане, Сирии и Йемене, а также тяжелой экономической ситуации во многих странах.

Хотя в силу столь противоречащих друг другу подходов любой кризис в регионе представляет опасность и не может не вызывать тревогу, но (по крайней мере) два аспекта наверняка окажут прямое воздействие на раз-

витие событий на Ближнем Востоке. Во-первых, что будет происходить в Сирии, и, во-вторых, к чему приведет напряженность в отношениях между Ираном и США.

Кризис в Сирии: проблемы остаются серьезными

Сирийский кризис разразился в 2011 г. и перерос в полномасштабную гражданскую войну, поскольку Соединенные Штаты и их региональные союзники неправомерно использовали ряд законных политических требований акций протеста в своих интересах. Сирия фактически превратилась в арену политического разрешения кризиса и, что более важно, события в ней привели к сдвигу в региональном балансе сил. Для Соединенных Штатов и Саудовской Аравии события в Сирии стали возможностью отомстить семье Асада, которая на протяжении более трех десятилетий являлась главным препятствием на пути сплочения и единства арабских государств против Исламской Республики Иран. Израиль хотел свержения правительства Асада, поскольку оно было самым важным связующим звеном между Ираном и Хезболлой в Ливане. Руководители Турции и Катара уповали на то, что смена режима в Сирии расширит круг стран, находящихся под влиянием структур, близких к Братьям-мусульманам (организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ). Все эти устремления побудили перечисленные страны использовать любые политические, военные и экономические средства для достижения своих целей, что в конечном итоге принесло сирийскому народу неисчислимые бедствия. Первоначальная реакция Ирана на события в Сирии была противоречивой. С одной стороны, руководители Ирана выразили общую и принципиальную поддержку событиям в арабских странах 2010-11 гг. (известных в Иране как Исламское пробуждение), а с другой стороны, между Ираном и Сирией существовали стратегические связи. Однако перерастание протестов в Сирии из политических беспорядков в вооруженный конфликт и открытая поддержка некоторыми странами региона противников режима Б. Асада не оставили никаких сомнений в том, что в Сирии эти страны пытались достичь своих амбициозных целей.

Сейчас, по прошествии девяти лет после начала политического кризиса в Сирии, положение Ирана в этой стране и его место в региональном балансе сил в целом значительно улучшилось по сравнению с первыми годами кризиса. Несмотря на многочисленные опасения по поводу будущего, красные линии, удержание которых стоило Ирану огромных политических, экономических и военных издержек, в значительной степени больше не являются красными линиями. Правительство Асада продолжает функционировать и остается ключевым звеном на оси сопротивления. Священные места шиитов в Сирии и Ираке защищены от угрозы ИГ, а открытие пограничного перехода между городами Абу-Кемаль и Аль-Каим предоставило Ирану наземный доступ к Восточному Средиземноморью. Для Ирана эти достижения имеют большое значение, однако более важным вопросом является то, как сохранить их в будущем.

Спустя почти 10 лет после начала войны в Сирии будущее кризиса продолжает оставаться весьма неопределенным. Некоторые районы Сирии по-прежнему находятся в руках групп, посвятивших себя борьбе с центральным правительством. Рассчитывать на то, что они захотят просто уйти, не приходится, поскольку им оказывается существенная региональная и международная поддержка. Районы, контролируемые курдами, останутся существенной проблемой как в отношениях курдов с Турцией, так и в отношениях с центральным правительством Сирии. Возможно, самой важной является проблема более 10 млн сирийских беженцев, которые либо живут в соседних странах, либо являются временно перемещенными лицами на территории Сирии. Любое решение для будущего Сирии должно в первую очередь позволить этим беженцам вернуться в свои дома, но реалии Сирии таковы, что в ближайшем будущем добиться этого практически невозможно. Вот почему России и Ирану как сторонникам центрального правительства в Сирии надлежит решить две основные проблемы.

Первая заключается в том, как перестроить сирийскую политическую систему – ясности в этом вопросе нет до сих пор. Президентство Б. Асада закончится в 2021 г., и сохранить власть ему вряд ли удастся. Несмотря на то, что и в рамках Астанинского процесса, и за его пределами при поддержке Организации Объединенных Наций было приложено немало усилий для формирования Конституционного комитета Сирии, разработать механизм, который устроил бы всех, оказалось невероятно сложной, а, возможно, и совершенно невыполнимой задачей. Отдельные игроки хотя и добиваются за столом переговоров того, чего не смогли завоевать на поле боя. Вот почему по накалу страстей и напряженности следующий раунд политических переговоров в наступающем году вряд ли будет уступать военным действиям. В прошлом Россия нередко игнорировала Б. Асада. Поэтому оптимальным для Москвы вариантом представляется его устранение и замена фигурой, которая не была бы отягощена его проблемами, но обеспечивала бы преемственность. Конечно, это непростой путь, тем более что надежной альтернативы Б. Асаду практически нет. Существует также явное противостояние между Астанинским и Женевским процессами относительно того, кто обладает законными полномочиями для разработки проекта новой конституции. А достичь согласия по новой конституции даже в рамках Астанинского процесса крайне сложно. Почти 10 лет гражданской войны и многоплановость этнической и религиозной структуры затрудняют достижение соглашения по наиболее важным принципам мирного сосуществования в Сирии.

Хотя для Ирана Б. Асад является самым надежным партнером, нет никаких сомнений в том, что, во-первых, Б. Асад не может оставаться у власти вечно, а во-вторых, Иран в принципе всегда поддерживал идею национального согласия в Сирии. Это объясняет, почему Иран продолжает конструктивно участвовать в Астанинском процессе и усилиях по формированию Конституционного комитета. Если на разработку проекта новой конституции не окажут влияние бедствия, пропаганда и внешнее давление, то маловероятно, что проасадовским силам не удастся сохранить значительную долю власти

самым демократическим способом. Другой возможный сценарий заключается в том, что если комитет не сможет выработать проект новой конституции Сирии к 2021 г., то выборы могут быть отложены. В соответствии со статьей 87 действующей Конституции, нынешнее правительство продолжит работу до проведения выборов, или же новые выборы могут проводиться в соответствии с действующей Конституцией. Тогда не исключено, что Башар Асад решит баллотироваться еще на один семилетний срок, несмотря на протесты противников и возражения даже многих своих сторонников.

Связи Ирана с Сирией, конечно, не ограничиваются одним лишь правительственным уровнем. Опыт работы на Ближнем Востоке показал иранским лидерам, что активное участие в региональных событиях требует наличия разноплановых возможностей. Консультативное присутствие Ирана в Сирии за последние несколько лет предоставило Ирану возможность эффективно взаимодействовать с различными религиозными и социальными группами и наращивать потенциал для предотвращения образования центров угрозы против него. Пока мир в Сирии не будет восстановлен полностью, все террористические течения ликвидированы, а контроль центрального правительства не охватит всю территорию страны, взаимодействие Ирана с этими группировками продолжит оставаться одним из инструментов обеспечения региональной безопасности. Астанинский процесс не является результатом требований всех сил и акторов, влияющих на развитие событий в Сирии, в том числе Саудовской Аравии, США и ряда оппозиционных групп. Вот почему любое будущее правительство, сформированное в рамках этого процесса, скорее всего, будет и дальше подвергаться давлению и противодействию со стороны этих сил. Соответственно, странам, гарантирующим Астанинский процесс, надлежит использовать свои инструменты поддержки нового правительства.

Второй вызов, с которым столкнется Сирия в следующем году, — это экономические проблемы, вызванные войной, санкциями и, конечно же, неэффективностью и коррупцией. После начала войны источники доходов сирийского правительства практически полностью иссякли, а многие производственные центры оказались либо разрушены, либо закрыты из-за отсутствия сырья и других проблем. По мере того, как ситуация в политической жизни и сфере безопасности будет стабилизироваться, начнут расти требования улучшения жизни, и если основные потребности людей не будут удовлетворены, то в стране могут вспыхнуть новые протесты.

К сожалению, на пути восстановления Сирии по-прежнему существует ряд препятствий. Страны, у которых есть средства для инвестиций в восстановление Сирии, воздерживаются от финансирования по политическим причинам, а у тех стран, которые готовы заняться восстановлением, не хватает капитала. В то же время отдельные государства пытаются использовать вопрос восстановления как рычаг для достижения политических уступок. Кроме того, Сирия сталкивается с проблемами санкций, и в последние месяцы новые санкции США против 39 сирийских физических и юридических лиц, введенные в соответствии с Законом Цезаря, еще больше услож-

няют возвращение страны к нормальной жизни. Под санкции попадают иностранцы, которые оказывают значительную финансовую, материальную и техническую поддержку сирийскому правительству, и, в частности, санкции могут быть применены против тех, кто соглашается участвовать в восстановлении территорий, находящихся под контролем сирийского правительства. Учитывая, что на протяжении многих лет любые отношения с сирийскими учреждениями и банками находились под санкциями США, последние, судя по всему, нацелены на сферу действий официальных лиц, которые могут сыграть серьезную роль в будущем Сирии, будь то на выборах или в разработке проекта Конституции.

Сразу после вступления этих санкций в силу первый вице-президент Ирана заявил, что Иран без колебаний «сделает все возможное», чтобы уменьшить давление на Сирию. Однако экономическая ситуация в самом Иране после возобновления санкций США, а также американская политика по оказанию максимального давления на Иран оставляют ему мало места для маневра. Из-за санкций и внутренних экономических проблем Исламская Республика Иран, несмотря на свою заинтересованность в активизации экономической деятельности в Сирии, не располагает достаточными возможностями для оказания Сирии существенной помощи в восстановлении страны. Вместе с тем в последние годы экономическое сотрудничество между Ираном и Сирией набирало обороты. В ходе визита первого вице-президента Ирана в Дамаск в начале 2020 г. было подписано соглашение о долгосрочном стратегическом экономическом сотрудничестве двух стран. Во время этого визита группа иранских бизнесменов и производителей также имела возможность внимательно изучить области, в которых они могли бы работать на сирийском рынке.

Все надежды на Астанинский процесс

Усилия по налаживанию регионального сотрудничества по урегулированию сирийского кризиса принесли свои плоды, и в начале 2017 г. в Астане состоялись трехсторонние переговоры между Россией, Ираном и Турцией, получившие название «Астанинский процесс». Процесс позволил достичь значительных успехов в разрешении конфликтов и снижении общего уровня вооруженного насилия в Сирии. Это не только восстановило безопасность во многих частях страны, но и показало, что сотрудничество в этом регионе возможно, хотя многие в это не верили в принципе.

Сотрудничество между Россией, Ираном и Турцией является не просто одним из, но, возможно, единственным способом урегулирования сирийского конфликта. Эти страны имеют в регионе возможности и интересы, игнорировать которые не только неразумно, но и бессмысленно. Понятно, что помимо урегулирования сирийского кризиса у них есть и иные сферы интересов и основания для широкого двустороннего сотрудничества, однако в настоящее время для их стратегического диалога нет ничего важнее сирийского вопроса. Важный момент этого сотрудничества заключается в том, что обусловленные этим взаимодействием интересы являются стра-

тегическими для всех трех стран, а отказ от сотрудничества чреват для них негативными стратегическими последствиями. Поскольку после окончания холодной войны идеологические основы дружбы и вражды исчезли, стратегическое сотрудничество между государствами теперь основано либо на получении стратегического преимущества, либо на предотвращении стратегических потерь. Это утверждение справедливо для сотрудничества в Сирии России и Ирана, а непродолжительное замораживание отношений между Россией и Турцией после того, как 24 ноября 2015 г. турецкий истребитель сбил российский фронтовой бомбардировщик, судя по всему, вынудило Турцию осознать всю важность этого вопроса. Путь для инициирования трехстороннего сотрудничества по урегулированию сирийского кризиса проложили негативные последствия разрыва отношений для экономик обеих стран, а также осознание турецким руководством, что слишком настойчивые попытки убрать Башара Асада с политической сцены ведут к продолжению войны и подрывают безопасность в стране и регионе в целом, не говоря уже о наращивании курдами своей политической и военной мощи (особенно в прилегающих к Турции районах).

Сотрудничество между Россией, Ираном и Турцией — уникальный пример сотрудничества региональных держав в эпоху после холодной войны. Не вызывает сомнения, что эти три страны руководствуются разными принципами и преследуют разные цели, однако, к счастью, все они осознали, что игнорировать друг друга не могут. И, что даже важнее, они признали, что эскалация конфликта и вражды между ними практически уничтожит ограниченные интересы, сохраняемые благодаря сотрудничеству. Исторически сложилось так, что в последние несколько столетий разногласия и враждебность между тремя державами — Россией, Ираном и Османской империей — приводили лишь к замедлению их индустриализации и экономического развития.

Поскольку треугольник Россия-Иран-Турция является равносторонним, можно ожидать, что продолжению сотрудничества все три страны будут уделять одинаковое внимание. Сегодня российско-иранское сотрудничество в большей степени обусловлено политическими соображениями, в то время как в основе российско-турецкого взаимодействия лежат экономические интересы. Сотрудничество Ирана и Турции, при очевидных и многочисленных политических разногласиях и одновременно широких экономических связях, основывается на понимании, что перерастание соперничества в конфликт не принесет пользу ни одной из сторон.

Эти особенности, весьма ненадежно соединяющие три стороны треугольника, предлагают минимум причин для продолжения сотрудничества, но отнюдь не устраняют различий. В последние годы Турция проводила амбициозную и агрессивную внешнюю политику на региональном и международном уровнях. Она активно отстаивала свои интересы в различных регионах — от Кавказа до Сирии, Ирака, Ливии и даже Персидского залива. Наступление Турции в Сирии в октябре 2019 г. практически не встретило серьезного сопротивления со стороны России и Ирана, но ее поддержка

террористических групп в Идлибе несколько месяцев спустя привела к прямому противостоянию трех стран. В начале марта консультативный центр Ирана на севере Сирии выступил с заявлением, в котором призвал турецкие силы прекратить артиллерийские обстрелы его позиций. В заявлении подчеркивалось, что иранские войска получили приказ командования проявлять сдержанность и не предпринимать ответных мер против турецких войск, которые вели огонь. За два дня до столкновений 33 турецких солдата, которые находились за пределами своих позиций в контакте с террористами, были убиты в результате ударов сирийской авиации по окраинам Идлиба.

Тот факт, что эти события не привели к полному размежеванию Турции, России и Ирана, и что, несмотря на угрозу Р.Т. Эрдогана выйти из Астанинского процесса, 1 июля состоялся шестой саммит трех стран, свидетельствует о жизнестойкости Астанинского процесса и, возможно, решении сирийской проблемы с его помощью.

Негативная роль Израиля

Непонятная роль Израиля в сирийском кризисе с его начала и до настоящего времени подлежит более внимательному изучению, однако в одном иранские аналитики уверены: Израиль – единственное темное пятно в российско-иранском сотрудничестве в Сирии.

С момента появления российских войск в Сирии израильская армия неоднократно наносила воздушные и ракетные удары по местам постоянной дислокации сирийской армии и поддерживающих ее ополченцев. К настоящему времени уничтожено немало военнослужащих сирийской армии и их союзников, а многие объекты разрушены. Только один авиаудар ВВС Израиля по авиабазе «Ат-Тияс» (Т-4) в сирийской провинции Хомс (апрель 2018 г.) унес жизни семи иранских солдат. Израильские нападения на Сирию не обошли стороной и находящиеся там российские силы. По словам российских военных, инцидент, в результате которого сирийскими силами ПВО был ошибочно сбит российский самолет-разведчик, в результате чего погибли 15 российских военнослужащих, произошел из-за провокации, устроенной израильскими истребителями, которые действовали в воздушном пространстве Сирии и подставили российский самолет под удар. После этого инцидента Россия объявила, что поставит в Сирию передовые системы ПВО С-300 для усиления ее противовоздушной обороны и повышения точности. Однако в последующие месяцы израильские авиаудары по сирийским базам продолжились, и системы С-300 не смогли оказать им эффективного противодействия. Такое развитие событий заставило многих иранских аналитиков предположить, что неоднократные налеты Израиля на сирийскую территорию могли быть осуществлены при потворстве России. Хешматолла Фалахат-Пишех, возглавлявший тогда парламентскую комиссию по национальной безопасности и внешней политике, заявил в интервью: «Россия деактивирует свои системы ПВО в Сирии всякий раз, когда Израиль бомбит там иранские позиции. Это серьезная претензия в адрес России. Если

российская система С-300 будет работать должным образом, сионистский режим не сможет легко наносить удары по сирийской земле»¹.

Нет никаких фактов, подтверждающих обоснованность подобных предположений, однако и опасения иранских аналитиков нельзя сбрасывать со счетов. Для решения возникших проблем Иран стремится напрямую усилить возможности сирийской противовоздушной обороны. Согласно сообщению, опубликованном после визита начальника штаба вооруженных сил Исламской Республики Иран генерал-майора Мохаммада Багери в Сирию в начале июля, вполне возможно, что Иран поставит сирийской армии ряд своих собственных систем ПВО, а именно: ЗРК «Хордад-3», «Хордад-15» и «Бавар-373». В июне 2019 г. из иранского зенитно-ракетного комплекса «Хордад-3» был сбит близ Персидского залива дорогостоящий американский беспилотник *Global Hawk*.

Сразу после того, как стало известно о военном соглашении между Ираном и Сирией, некоторые западные дипломаты попытались истолковать его как сигнал для России и признак разлада между Москвой и Тегераном в Сирии². Если израильские авиаудары по Сирии можно рассматривать как результат потворства или даже согласия России, то военное соглашение между Ираном и Сирией можно интерпретировать аналогичным образом. Однако, несмотря на определенные различия в подходах и реализации, у России и Ирана нет причин не действовать в Сирии сообща, поскольку в противном случае обе стороны, безусловно, столкнутся с необратимыми негативными последствиями. Здесь следует упомянуть еще один момент: Исламская Республика Иран до сих пор пыталась не допустить, чтобы региональные конфликты между Ираном и Израилем повлияли на процесс урегулирования кризиса в Сирии. В отдельных случаях израильские власти ошибочно это истолковывали и злонамеренно этим пользовались, что может оказаться очень опасным в случае продолжения таких действий Израилем.

Эскалация напряженности между Ираном и США: в ожидании катастрофы?

После победы Исламской революции в Иране (1979 г.) конфликт между Ираном и Соединенными Штатами стал неизменным атрибутом положения дел в сфере безопасности на Ближнем Востоке. Подписание Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) вселило надежду, что по крайней мере в некоторых областях напряженность между двумя странами снизится и даже приведет к снижению напряженности в других сферах. Однако позиция президента Д. Трампа развеяла эти оптимистичные ожидания.

¹ Судя по всему, Россия не активирует ракетный комплекс С-300 во время атаки Израиля на Сирию. (Пер.: «دن کیمن لاجف از ۳۰۰ سامیه کشوم نه ام ایس دیروس هب لی یارسانا له م ح ماگن هب دیسور آراهظ 25.01.2019. URL: <https://per.euronews.com/2019/01/25/s300-russian-missiles-not-working-while-israel-has-air-strike-in-syria>

² Израиль предупредил Россию о новых рисках в Сирии // Независимая газета. 23.07.2020. URL: https://www.ng.ru/world/2020-07-23/1_2_7919_israel.html

На протяжении нескольких месяцев до конца первого срока президентства Д. Трампа и особенно накануне предстоящих выборов в США многое на Ближнем Востоке будет зависеть от интенсивности усилий США и Израиля оказать максимальное давления на Иран и сделать совместные достижения Д. Трампа и Б. Нетаньяху в этом плане необратимыми. Эти усилия, начало которым положил выход США из соглашения СВПД в мае 2018 г., и достигли кульминации убийством командующего силами подразделения «Аль-Кудс» генерала Касема Сулеймани, США продолжили продлением эмбарго на поставки Ирану оружия после октября 2020 г. и попытками предпринять ряд других опасных шагов. Убийство генерала К. Сулеймани в первые дни 2020 г. поставило регион на грань новой полномасштабной войны. Хотя ответ Ирана на действия США был сдержанным, иранские официальные лица неоднократно заявляли, что оставляют за собой право прибегнуть к ответным мерам. Недавние подозрительные взрывы в Иране (один — на военно-промышленном комплексе к востоку от Тегерана (25 июня), а другой (через неделю) — на ядерном объекте в Натанзе) возможно, являются частью усилий, чтобы загнать Иран в угол. До сих пор последний стремился не допустить втягивания региона в новый конфликт, чего США и Израиль добивались, усиленно нагнетая напряженность. Однако неясно, как долго Иран сможет продолжать политику стратегического терпения. Если перед ним закроются все двери, он, несомненно, начнет искать другие пути. В краткосрочной перспективе, похоже, все складывается не в его пользу. Резкое падение доходов от нефти и закрытие многих каналов внешнеэкономических связей, а также давление, под которым оказались союзные силы Ирана в Ираке, Ливане и Сирии, серьезно ограничивают возможности страны для маневра в регионе, но это не означает, что Иран отступит от своей позиции. Основы и составляющие внутренней и региональной мощи Ирана по-прежнему достаточно надежны, чтобы противостоять этому давлению. Кроме того, Соединенные Штаты и Израиль не смогут продолжать оказывать подобное давление и дальше при неизвестном будущем. Даже если Д. Трамп будет переизбран, ему, вероятно, придется выбирать между военной конфронтацией с Ираном или сменой курса. Если политика максимального давления не сработает в краткосрочной перспективе, то в долгосрочной перспективе она потеряет смысл. Так что, если Трамп будет переизбран, ему придется либо прибегнуть к более жестким действиям, либо отказаться от своей политики максимального давления.

Просчеты всегда были главной причиной нежелательных конфликтов на международном уровне. Официальные лица США и их израильские коллеги просчитались в том, что удаление генерала Касема Сулеймани из регионального уравнения, а также резкое падение нефтяных доходов Ирана и усиление регионального давления вынудят его отступить от своих позиций. Кроме того, они не учли, что это также может заставить Иран использовать возможности, к которым он раньше не прибегал. Пока Иран не допустил неконтролируемого роста напряженности между двумя странами и проводил политику активного сопротивления в надежде, что выборы в США могут привести к определенным переменам в отношениях между двумя странами,

но эта политика может измениться в силу тех или иных причин. Переизбрание Д. Трампа неизбежно изменит стратегию Ирана, но до этого (возможный) успех Соединенных Штатов в продлении эмбарго на поставки оружия Ирану может вызвать соответствующие изменения в статус-кво, поскольку делает практически невозможным возврат к СВПД даже для следующей администрации США.

Заключение

На Ближнем Востоке сложно поддерживать прочный порядок и безопасность. Считать, что взаимодействие великих держав, как в эпоху холодной войны, может устанавливать правила регионального порядка и обеспечивать их соблюдение, было бы заблуждением. На Ближнем Востоке нет игроков, которых можно было бы не принимать в расчет, и, вне всякого сомнения, битва интересов в этом регионе продолжится. Вот почему к проблемам Ближнего Востока нельзя относиться как к поломке оборудования и решать их техническими средствами, наподобие инициативы «Большого Ближнего Востока». В этих обстоятельствах американо-израильские усилия по осуществлению сделки века, предусматривающей присоединение новых арабских земель к оккупированным Израилем территориям (против чего уже выступил глава Палестинской автономии Махмуд Аббас), могут породить новый кризис в регионе. На этом фоне даже такие шаги, как заключение израильско-эмиратского мирного договора, не только не смягчат конфликт между палестинцами и израильтянами, но, вне всякого сомнения, еще больше разожгут чувство гнева и ненависти среди значительной части мусульман, в первую очередь палестинцев.

Угроза терроризма, безусловно, продолжит дестабилизировать Ближний Восток еще долгие годы, однако проект ИГ не оправдал надежд его создателей. В ближайшем будущем вряд ли какой-то группе удастся вербовать сторонников по всему миру и использовать запугивание для достижения своих целей, как это делало ИГ. Однако даже после окончательного уничтожения ИГ в регионе по-прежнему будут действовать две влиятельные силы, а именно: идея возрождения исламского халифата в отдельных частях суннитского сообщества и соперничество региональных держав за расширение сфер своего влияния. В какой-то момент эти две силы уже проложили путь к взлету ИГ и способны породить новые проблемы в будущем.

Повышение вероятности конфронтации на Ближнем Востоке оставляет не так много места для оптимизма. Вместе с тем ликвидация ИГ во многих частях Ирака и Сирии вернула эти районы к нормальной жизни и сделала восстановление их главным приоритетом. Если процесс восстановления там так и не будет осуществлен, то могут вспыхнуть новые волнения.

К сожалению, введение в этих условиях Соединенными Штатами различных санкций против таких стран, как Иран и Сирия, не только заводит регион в политический и экономический тупик, но и подстегивает эскалацию существующих в нем кризисов. Ожидается, что новые санкции США против Сирии,

чреватые дальнейшим обесценением ее национальной валюты и, соответственно, обнищанием народа, породят новые проблемы и для охваченной кризисом экономики Ливана. Его экономика традиционно тесно связана с экономикой Сирии, поэтому Ливан, несомненно, пострадает от этих санкций больше, чем любая другая страна. Эскалация экономического кризиса здесь может легко ввергнуть страну в новый виток политической нестабильности.

В нынешней ситуации единственной надеждой на позитивное развитие ситуации в регионе является продолжение Астанинского процесса при всех связанных с ним проблемах и сложностях. Россия, Иран и Турция — вот три влиятельные региональные державы, которые могут привести к изменениям в регионе к лучшему, но только общими усилиями и объединением возможностей. В прошлом году у Турции было немало причин покинуть формат трехстороннего сотрудничества с Ираном и Россией. К счастью, несмотря на разногласия между странами из-за ситуации в Идлибе и на севере Сирии, а также по некоторым другим вопросам, руководители трех государств намерены продолжать трехсторонние переговоры.

Одновременное расширение трехстороннего экономического сотрудничества не только поможет укрепить политический диалог, но и предоставит всем трем странам новые возможности. Трехстороннее сотрудничество в области энергетики и создание зоны свободной торговли между Ираном, Турцией и Евразийским экономическим союзом могут стать основой для укрепления сотрудничества между ними.

Как гарантам Астанинского процесса России, Турции и Ирану, несомненно, надлежит заниматься не только решением политических вопросов, но и провести серьезные переговоры по вопросу восстановления Сирии. Представляется, что в нынешней ситуации следует организовать проведение международной конференции по вопросу восстановления Сирии со всеми заинтересованными странами, включая Китай и Европу. Очевидно, что эта конференция может быть просто площадкой для обмена мнениями и не обязательно для привлечения капитала. В области экономического восстановления следует также учитывать совместный подход России, Ирана и Турции к политическому урегулированию сирийского кризиса, основанный на принципе сотрудничества в общих областях, а также переговоров и поиска компромиссов в тех областях, где имеются некоторые разногласия.

На пути к стабилизации в Сирии и за ее пределами в 2021 г. Взгляд из России

Алексей
Хлебников

Введение

После восьми лет активной военной фазы сирийский конфликт перешел в политическую стадию. Хотя интенсивность и масштабы военных действий снизились, риск военной эскалации в Идлибе и районах к востоку от Евфрата сохраняется. Помимо этого риска существует множество других факторов, которые чрезвычайно затрудняют процесс стабилизации и национального примирения в Сирии. Среди них можно выделить санкции США и ЕС, крайнюю нехватку средств на восстановление, ухудшение социально-экономической ситуации в стране, напряженность в отношениях США с Ираном и Турцией, отсутствие политических и военных реформ/реформ в сфере безопасности, которые могли бы помочь национальному примирению, COVID-19 и пр. Более того, позиции, которые после урегулирования сирийского конфликта закрепят за собой региональные, глобальные и местные игроки, окажут огромное влияние на формирование новой архитектуры безопасности в регионе.

В исследовании рассматриваются вызовы и угрозы, по-прежнему существующие в Сирии, а также их влияние на Россию и проводимую ей политику. Кроме того, в нем анализируются перспективы сирийского политического урегулирования и восстановления и возможности Москвы по усилению своей роли в новой архитектуре региональной безопасности и в партнерстве с Ираном и Турцией.

Основные вызовы и угрозы

Хотя конфликт в Сирии вступает в завершающую стадию и смещается в политическую сферу, на пути к завершению военной фазы все еще имеются некоторые препятствия. На сегодняшний день в военной сфере существуют две основные проблемы. Во-первых, провинция Идлиб преимущественно контролируется террористической группировкой «Хайят Тахрир аш-Шам»³, радикальными экстремистскими формированиями, такими как «Хуррас ад-Дин»⁴, и турецкими военными. Во-вторых, районы к востоку от Евфрата, удерживаемые вооруженными формированиями Сирийских демократических сил (СДС), в которых доминируют курды при поддержке американских военных, а также оккупированный США район ат-Танф на границе с

³ «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ) (запрещена в России), ранее известная как «Джабхат ан-Нусра» («Фронт победы»), в списке террористических организаций Совета Безопасности ООН квалифицируется как ответвление «Аль-Каиды» // Сводный перечень Совета Безопасности ООН. URL: <https://scsanctions.un.org/fop/fop?xml=htdocs/resources/xml/en/consolidated.xml&xslt=htdocs/resources/xsl/en/consolidated.xsl>

⁴ «Хуррас ад-Дин» – радикальная экстремистская вооруженная группировка, действующая в Сирии, которая связана с «Аль-Каидой» (запрещена в России) и внесена рядом стран в список террористических организаций, в том числе США (в соответствии с президентским указом, совершенствующим систему введения санкций США за террористическую деятельность) // Государственный департамент США. 10.09.2019. URL: <https://www.state.gov/terrorist-designations-under-amended-executive-order-to-modernize-sanctions-to-combat-terrorism/>

Иорданией. Эту проблему можно также охарактеризовать как присутствие в Сирии иностранных сил. Ни турецкие, ни американские военные не имеют законных оснований находиться в Сирии. Вдобавок ко всему, есть проблема израильских ударов по иранским/проиранским целям внутри Сирии, которые вызваны растущим военным присутствием Ирана.

В политической сфере тоже имеются три основные проблемы. Первая – это неспособность Конституционного комитета Сирии начать конструктивную работу по причине негибкости как Дамаска, так и оппозиции для того, чтобы придать импульс политическому процессу. Вторая – отсутствие прогресса в процессе примирения на юге Сирии и тупиковая ситуация на переговорах между Дамаском и курдами. И третье – это отсутствие полномасштабного восстановления, которое помогло бы добиться стабилизации положения дел в экономической и политической областях. Без достижения надлежащего компромисса по этим вопросам между всеми вовлеченными сторонами продвинуться вперед в урегулировании конфликта и стабилизации Сирии будет практически невозможно.

Таким образом, **Россия стоит перед следующими ключевыми вызовами в Сирии:**

- достичь с Турцией договоренность об окончательном статусе Идлиба и Северной Сирии, которые де-факто оккупированы турецкими войсками, а также по районам к Востоку от Евфрата, которые контролируются курдами, и обеспечить ее выполнение;
- начать экономическое восстановление Сирии с участием арабских стран региона (а в идеале — и европейских стран);
- как минимум — сохранить статус-кво и как максимум — найти общий язык с США и ЕС по Сирии, чтобы снять или облегчить санкции и начать процесс восстановления;
- активизировать политический процесс и внутрисирийское примирение (при участии сирийских курдов);
- обеспечить согласованность действий Дамаска и Тегерана, чтобы те не препятствовали реализации инициатив Москвы, таких как работа Конституционного комитета;
- трансформировать свой военный успех в экономические и политические дивиденды.

Пока эти цели не будут достигнуты, Москве придется продолжать инвестировать в Сирию, не получая при этом значимых экономических выгод и не имея возможности продемонстрировать миру историю успеха. Кроме того, нерешенные военные вопросы Идлиба и территорий к востоку от Евфрата увеличивают риск эскалации напряженности между Россией, Турцией, США, курдами, Ираном и Дамаском, что противоречит интересам Москвы.

Сегодня стратегической задачей России является найти способ превратить свой военный успех в Сирии в политический и экономический успех как в

стране, так и в регионе в целом. Без заключения всеобъемлющей сделки с другими ведущими акторами эта цель представляется практически недостижимой.

Тупиковая ситуация в Идлибе

Соглашение по Идлибу, заключенное между Россией и Турцией в сентябре 2018 г., фактически оказалось неработающим, поскольку Турция не обеспечила размежевание умеренной оппозиции от радикалов. В результате к 2019 г. 90% территории провинции оказались под контролем организации «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ, организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ) (в 2020 г. власть коалиции ХТШ ослабла из-за внутренних распрей и выхода из ее рядов Хуррас ад-Дин (организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ)). Так и остаются невыполненными основные положения дополнительного протокола, подписанного 5 марта 2020 г. 20-километровая зона безопасности вдоль трассы М4 до сих пор не создана, дорога небезопасна, и проезд для гражданского транспорта по-прежнему закрыт. Террористические и радикальные группы все еще присутствуют в буферной зоне и к Югу от трассы М4, хотя эти участки должны были перейти под контроль поддерживаемой Россией сирийской армии. Сирийская и российская военные инфраструктуры подвергаются постоянным обстрелам с территорий, контролируемых ХТШ⁵, а нападения на совместные российско-турецкие военные патрули участились. Вот почему Москва и Дамаск уже более года проводят ограниченные военные операции против террористических групп в Южном Идлибе. Вместе с тем Россия воздерживается от проведения масштабной военной операции в Идлибе, поскольку это обострит напряженность в отношениях с Турцией.

Благодаря соглашению по Идлибу, заключенному В. Путиным и Р.Т. Эрдоганом в Москве 5 марта 2020 г., Россия и Турция установили правила ведения боевых действий в Идлибе, которые пока позволяют им избегать серьезной эскалации напряженности, как это было осенью 2019 г. и зимой 2020 г. К счастью, они нашли способ избежать этих рисков, хотя и не устранили их полностью.

Что касается Турции, то она также не хочет проводить крупномасштабную военную операцию в Идлибе, поскольку это испортит отношения с Россией и вызовет прилив к ее границам новой волны сирийских беженцев. В то же время Анкара не желает решать вопрос с ХТШ и другими радикалами в Идлибе. По сути, это означает, что соглашение с Россией от 5 марта не выполнено. Фактически, с начала 2020 г. Турция сосредоточила в провинции Идлиб порядка 15-20 тыс. солдат⁶ и более 5 тыс. единиц военной техники, чего вполне достаточно для решения там проблемы террористов. Однако

⁵ Президенты России и Франции сделали заявления для прессы и ответили на вопросы СМИ // Presidential Executive Office. 19.08.2019. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/61336>

⁶ Эти цифры приведены автором на основании его расчетов, сделанных по сообщениям турецких экспертов, военных и СМИ о вводе войск в провинцию Идлиб.

Анкара по-прежнему не желает этого делать, чтобы иметь рычаг воздействия на Москву и использовать Идлиб в качестве разменной монеты при контактах с северо-востоком Сирии и Ливией. Более того, де-факто Анкара уже аннексировала северный Идлиб. С мая-июня 2020 г. турецкая лира стала там основной валютой⁷, а сама Турция уже несколько месяцев инвестирует в восстановление региона, направляет туда гуманитарную помощь и развивает инфраструктуру. Трудно представить, чтобы она с легкостью согласилась покинуть эту территорию. Кроме того, в последнее время наблюдались попытки провести ребрендинг ХТШ путем смещения акцента на более радикальную организацию «Хуррас ад-Дин», которая вышла из рядов коалиции ХТШ еще в 2018 г. Расчет делается на то, что наиболее радикальные элементы ХТШ присоединятся к Хуррас ад-Дин, а коалиция станет более умеренной, что, в конечном итоге, позволит объединить ее с протурецкой сирийской оппозицией, которая является частью политического процесса. Хотя Россия открыто выступает против ребрендинга террористов, для Москвы это потенциальная возможность продолжить торг с Анкарой по северо-востоку Сирии и курдскому вопросу.

По сути, ситуация в Идлибе практически зашла в тупик. С одной стороны, Россия, а также сирийский режим хотят получить под свой контроль Идлиб и особенно трассу М4, не прибегая к крупномасштабной военной операции. Открытие трассы М4 вновь воссоединит Алеппо с Латакией и Восточной Сирией, что необходимо для восстановления экономической и торговой деятельности в стране. По словам высокопоставленного российского дипломата, который говорил на условиях анонимности, план Москвы состоял в том, чтобы взять под контроль трассы М4 и М5, блокировать оставшиеся районы Идлиба и позволить им стать проблемой Турции. В то же время постоянные военные вылазки⁸ с подконтрольных ХТШ районов Идлиба на контролируемые Дамаском территории и военные объекты России заставляют Москву ответить силой. Россия не стремится к напряженности в отношениях с Анкарой, поскольку та является важным партнером в Астанинском процессе (который с выходом Турции во многом утратит свою легитимность), по-прежнему имеет влияние на большую и важную часть сирийской оппозиции и вооруженные формирования. Турция продолжает вести переговоры с США по контролируемым курдами территориям, а двусторонние отношения между Россией и Турцией находятся на подъеме (реализуются важные проекты – газопровод «Турецкий поток», строительство АЭС «Аккую», поставки ЗРК С-400). Кроме того, за последний год взаимозависимость конфликтов в Сирии и Ливии существенно возросла. Сегодня турецкая политика в сирийском Идлибе или на северо-востоке Сирии во многом обусловлена развитием событий в Ливии, где Россия также играет важную роль. Вот почему Идлиб стал не просто отдельной проблемой в

⁷ Сирийский Идлиб переходит на турецкую лиру вместо стремительно дешевеющего фунта // France 24. 15.06.2020. URL: <https://www.france24.com/en/20200615-syria-s-idlib-adopts-turkish-lira-in-place-of-plummeting-pound>

⁸ Россия сообщает об отражении нападения на свою главную авиабазу в Сирии // The Moscow Times. 20.05.2019. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2019/05/20/russia-says-it-repelled-an-attack-on-its-main-syrian-air-base-ria-a65654>

сирийском конфликте, а вопросом, связанным с территориями к востоку от Евфрата и Ливией. Все это заставляет Москву и Анкару проявлять большую сдержанность, чтобы не допустить обострения ситуации, и каждая из сторон могла продолжить свою игру.

Что касается Турции, то она хочет сохранить свое влияние в Идлибе, которое может использовать в качестве разменной монеты при достижении соглашения с Москвой и Дамаском по сирийским курдам и/или Ливии. Ситуация выглядит так, будто оба актора испытывают друг друга на прочность, балансируя на грани эскалации. Нежелание Анкары предпринимать в Идлибе практические шаги обусловлено неопределенным статусом городов Тель-Рифаат и Манбидж на севере мухафазы Алеппо, контролированием курдами территорий к востоку от Евфрата и позицией США. По словам высокопоставленных российских дипломатов, Москва и Анкара продолжают вести переговоры в поисках приемлемого компромисса по Идлибу, Манбиджу и северо-востоку Сирии.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что любая серьезная конфронтация между Россией и Турцией из-за Идлиба маловероятна, поскольку ни одна из сторон не заинтересована в эскалации напряженности. Вместе с тем, для принуждения Турции к выполнению соглашения от 5 марта по Идлибу России надлежит проявить решительность, но действовать при этом крайне дипломатично.

Неопределенность ситуации с территориями к Западу от Евфрата и курдами

Одной из основных проблем для России в Сирии является присутствие США в контролируемых курдами районах к Востоку от Евфрата. Хотя в декабре 2018 г. США объявили о решении вывести все свои войска из Сирии, ограниченный контингент был оставлен в Восточной Сирии для защиты нефтяной инфраструктуры, находящейся под контролем Сирийских демократических сил (СДС). Тем самым Вашингтон одним выстрелом убивает сразу трех зайцев – американские вооруженные силы служат сдерживающим фактором против: военного наступления Турции на курдов, расширения контроля Сирийской арабской армии и России на восток страны, а также растущего иранского присутствия. На востоке Сирии действует множество внешних и местных акторов (Иран, Турция, Россия, США, сирийская армия, курды, арабские племена), отчего положение там, пожалуй, представляет особую сложность по сравнению с другими регионами страны. В настоящий момент никто из основных акторов не в силах изменить существующий там статус-кво и склонить чашу весов в свою пользу. Это делает оперативную среду чрезвычайно сложной для всех участников.

Никто не знает, насколько серьезно США намереваются служить сдерживающим фактором для всех других сторон в Сирии. Пока что главными заботами Вашингтона в Сирии являются обеспечение безопасности курдов, удержание Турции и сирийского правительства от военных операций про-

тив курдов, сдерживание Ирана и превращение Сирии в бремя для России. Это, естественно, раздражает все стороны, особенно турок, поскольку они считают курдские Отряды народной самообороны (YPG), составляющие костяк СДС, террористической организацией и угрозой для безопасности Турции. Многолетняя поддержка курдов Соединенными Штатами и нежелание выполнять все требования Турции в отношении курдов поставили Анкару в довольно сложное положение. С одной стороны, она не хочет проводить широкомасштабную военную операцию против курдов по очень веским причинам. С другой стороны, Анкара ищет решение, позволяющее ей эффективно урегулировать курдскую проблему, сохранив при этом лицо и не оттолкнув США еще больше. Между Турцией и США по-прежнему существуют серьезные разногласия⁹, которые препятствуют эффективному урегулированию ситуации на северо-востоке Сирии, что, естественно, не может не влиять на политику России там.

Еще одной важной проблемой в районах к востоку от Евфрата, которая вышла на первый план около года назад, является риск возрождения ИГ¹⁰. Воспользовавшись существующими разногласиями и напряженностью между участниками, остатки Исламского государства активизировали свою военную деятельность, что еще больше усложняет оперативную среду¹¹.

Судя по всему, на данный момент продуманного плана/договоренности, как действовать в Сирии, нет ни у России, ни у Турции, ни у США. Таким образом, сохраняющаяся неопределенность в отношении Идлиба и обструкционистская роль США в районах, контролируемых СДС, осложняют действия Турции и России в Сирии. Хотя переговоры между российскими и турецкими военными по Идлибу и востоку от Евфрата продолжаются, похоже, они способны лишь сохранить существующий статус-кво. Контакты России и Турции с США по востоку Сирии не принесли существенных результатов. Как бы то ни было, на данный момент Сирия не является приоритетом для Вашингтона и вряд ли им станет даже при администрации Джо Байдена, что почти не оставляет надежды на какие-либо перемены к лучшему.

Совершенно очевидно, что все вовлеченные стороны должны достичь соглашения по территориям, контролируемым курдами, но как эта сделка будет выглядеть, остается только гадать. Для всех участников эта проблема продолжит оставаться одной из самых сложных в предстоящие месяцы.

Конституционный комитет

С момента создания Конституционного комитета Сирии прошло больше года, но за исключением проведения нескольких встреч в Женеве никакого реального прогресса на политическом треке достигнуто не было. Неспособ-

⁹ How Washington Should Handle Turkey's Summer of Flex // Defence One. 21.08.2020.
URL: <https://www.defenseone.com/ideas/2020/08/how-washington-should-handle-turkeys-summer-flex/167909/>

¹⁰ Pentagon report says ISIS is 're-surgin in Syria' following Trump's troop withdrawal // CNN. 08.08.2019.
URL: <https://edition.cnn.com/2019/08/06/politics/pentagon-report-isis-syria/index.html>

¹¹ A Turkish-Kurdish war in Syria is still possible // Al Jazeera. 13.08.2019.
URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2019/8/13/a-turkish-kurdish-war-in-syria-is-still-possible/>

ность комитета начать функционировать является серьезным препятствием на пути дальнейшего продвижения политического процесса, поскольку разработка новой конституции – это одна из ключевых задач, требующих решения. На протяжении долгого времени ни Дамаск, ни оппозиция не хотели идти на компромисс по вопросу конституционного комитета. Однако за последний год ситуация изменилась. Дамаск находится под огромным социально-экономическим, финансовым и гуманитарным давлением, вызванным девятилетней войной и жесткими западными санкциями, к которым добавились недавний кризис в Ливане и пандемия COVID-19. Это может смягчить позицию Дамаска и склонить его к компромиссам. Более того, ситуация в регионе меняется, что привело к частичному примирению между ОАЭ и Сирией, вызванным отчасти ростом турецкого влияния в Сирии и сирийской оппозиции. Для ограничения влияния Турции ОАЭ вместе с Саудовской Аравией вполне могут оказать давление на часть сирийской оппозиции в комитете, что автоматически сближает их с Дамаском. В силу этого Асад может проявить больше интереса к политическому процессу. Определенное давление со стороны Москвы может также сделать сирийские власти более уступчивыми.

В то же время Конституционному комитету не хватает инклюзивности, поскольку Турция категорически против участия в нем курдов¹². Хотя сам запуск работы комитета уже является хорошим началом, трудно представить, что он один может принести долгосрочное всеобъемлющее политическое решение для страны. Без решения курдской проблемы – будь то включение курдов в комитет или достижение договоренности между ними и Дамаском – любые попытки запустить устойчивый политический процесс в Сирии потерпят неудачу.

Вот почему сделать политический процесс инклюзивным и успешным представляет для России большую проблему. В последнее время Москва предпринимает шаги по преодолению разрыва¹³ между позициями политического крыла СДС, Сирийского демократического совета и некоторых сирийских оппозиционных групп, прислушивающихся к Москве. Это может содействовать возобновлению переговоров между курдами и Дамаском и послать сигнал Турции о том, что участие курдов в политическом урегулировании является необходимостью. В любом случае, путь предстоит проделать долгий, а задача эта – из числа приоритетных.

Постконфликтное восстановление

Восстановление сирийской экономики, ее вооруженных сил/сил безопасности и других институтов, отмена санкций США, привлечение иностранных инвестиций и поиск эффективного пути к национальному примирению — вот основные проблемы, с которыми Россия сталкивается в Сирии. Возни-

¹² Syria's constitutional committee still mired in discord // Al-Monitor. 08.08.2019.

URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/08/turkey-russia-syria-constitution-committee-mired-in-discord.html>

¹³ О встрече Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова с представителями сирийской оппозиции // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.08.2020.

URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4306677

кает справедливый вопрос, почему Россия захотела взять на себя решение всех этих чрезвычайно сложных проблем, а не предоставить это сирийцам. На то есть несколько важных причин.

Во-первых, для России важно продемонстрировать миру историю успеха, указав на провал попыток Запада урегулировать конфликты в Ираке, Ливии, Афганистане, Йемене и т.д.

Во-вторых, Россия уже вложила в Сирию значительные средства, и ей необходимо получить экономические выгоды в виде различных контрактов, доступа к ресурсам, разведки сланцевой нефти и газа у сирийского побережья. Чтобы извлечь из этого выгоду, Москве нужно вернуть Сирию в экономическое русло.

В-третьих, Россия уже имеет в Сирии две военные базы — в Латакии и Тартусе — и сохранит там свое присутствие еще как минимум 50 лет. Чтобы сделать военное и экономическое присутствие в стране своим активом, а не обузой, Москве необходимо стабильное правительство с работающими институтами, которые не позволят стране снова погрузиться в хаос. Это возможно только в том случае, если в правительстве, аппарате вооруженных сил/обеспечения безопасности произойдут определенные изменения, будут сняты санкции США и начнется экономическое восстановление с участием международных доноров.

Вот уже несколько месяцев Россия пытается убедить своих европейских партнеров в необходимости сотрудничества по вопросам возвращения сирийских беженцев и восстановления экономики. Европейцы не хотят этим заниматься, пока Дамаск не проведет политических реформ. Их опасения вполне законны, поскольку при отсутствии реформ у вернувшихся домой беженцев нет никаких гарантий нормальной жизни. Их социально-экономическое положение ужасно, гуманитарный доступ существенно ограничен¹⁴ и проблематичен, а по возвращении домой они могут столкнуться с судебным преследованием или просто задержаны. Выступая на Московской конференции по международной безопасности в 2019 г., директор бюро по Ближнему Востоку и Северной Африке Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) Амин Авад отметил, что 80% из 5,5 млн сирийских беженцев готовы вернуться, как только будут выполнены определенные условия. К ним относятся надежное жилье, возможности работы, физическая неприкосновенность и правовая безопасность. Немедленно вернуться в Сирию готовы лишь 12% беженцев. Существует множество документально подтвержденных случаев¹⁵ задержаний, преследований, принудительного призыва в армию, конфискации имущества и т.д. Руководствуясь вполне обоснованными опасениями, страны ЕС ставят любое сотрудничество с Россией и сирийскими властями в зависимость от улучшения условий возвращения беженцев и проведения Дамаском реформ.

¹⁴ Lessons from the Syrian State's Return to the South // The International Crisis Group. 25.02.2019. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/eastern-mediterranean/syria/196-lessons-syrian-states-return-south>

¹⁵ Там же.

Это создает серьезное препятствие для усилий Москвы склонить своих европейских партнеров к сотрудничеству. Кроме того, в настоящее время ЕС озабочен своими внутренними проблемами, поэтому вопросы внешней политики, особенно Ближнего Востока и Сирии, не входят в число его главных приоритетов. Однако ухудшение гуманитарной и социально-экономической ситуации в Сирии, чреватое дальнейшим усилением дестабилизации, может подтолкнуть Россию, Дамаск и ЕС к изменению своих позиций и сделать их более гибкими и способными пойти на компромисс, по крайней мере, по такому не столь щепетильному вопросу, как доставка гуманитарной помощи. С июля 2020 г. гуманитарная помощь ООН может поступать в Сирию только через один оставшийся пограничный переход Баб-эль-Хава, который, скорее всего, будет закрыт в июле 2021 г. В свете этого Россия и ЕС могли бы заняться разработкой совместного механизма мониторинга¹⁶, который обеспечит прозрачные условия доставки гуманитарной помощи и ее распределения по всей Сирии. Это вполне может стать первым шагом к укреплению доверия и содействовать развитию сотрудничества по Сирии между ЕС и Россией.

Москве надлежит использовать свои дипломатические каналы и возможности «второго трека» для поддержания постоянного диалога с европейскими партнерами и сирийцами с тем, чтобы найти компромиссы, учитывающие озабоченности как ЕС, так и Дамаска. Это позволит увидеть, в какой степени стороны готовы пойти на уступки и согласиться на меньшее по сравнению с тем, на чем они настаивают сейчас. В этом отношении Москва оказалась в сложной ситуации, поскольку ее влияние на Дамаск весьма ограничено, в то время как ЕС, США и региональные державы считают, что она просто не желает оказывать давление на Б. Асада.

Сегодня Москва, похоже, направляет основные усилия на привлечение арабских стран, особенно стран Персидского залива, к участию в восстановлении Сирии. При всей сложности этого процесса, определенные позитивные сдвиги в нужном направлении все же имеются. Среди них можно назвать возобновление работы посольств ОАЭ и Бахрейна в Дамаске, проведение в Абу-Даби форума представителей частных секторов Сирии и ОАЭ, а также визит в Эр-Рияд в конце 2018 г. директора Главного управления безопасности САР генерал-майора Али Мамлюка¹⁷. Это подчеркнуло стремление держав Персидского залива защитить свои интересы и сохранить влияние в Сирии. Хотя Саудовская Аравия не хочет открыто участвовать в восстановлении Сирии и даже реинтегрировать ее обратно в арабское сообщество, она осознает необходимость минимизации своих потерь в стране и сохранения в ней определенного влияния. Кроме того, и Саудовская Аравия, и ОАЭ обеспокоены усилением влияния Ирана и Турции в регионе и хотят иметь

¹⁶ The Future of Humanitarian Aid Delivery to Syria: What is Russia's Rationale? // Российский совет по международным делам. 31.07.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/the-future-of-humanitarian-aid-delivery-to-syria-what-is-russia-s-rationale/>

¹⁷ Assad's notorious chief security adviser 'visited Riyadh' to discuss Syria-Saudi rapprochement // The New Arab. 09.01.2019. URL: <https://english.alaraby.co.uk/english/news/2019/1/9/assad-adviser-visited-riyadh-to-discuss-syria-saudi-rapprochement>

возможность держать их под контролем в Сирии. Используя свои финансовые инструменты и участвуя в восстановлении, они могут существенно потеснить Иран и Турцию в экономической сфере Сирии.

Еще одним серьезным препятствием на пути участия стран в восстановлении Сирии (в том числе государств Персидского залива и стран-членов ЕС) являются санкции США против САР, в первую очередь Закон Цезаря.

Новая архитектура региональной безопасности

С 2011 г. в регионе Ближнего Востока и Северной Африки полным ходом идет процесс грандиозных преобразований. Кризис в Сирии и то, как он будет урегулирован, окажут важнейшую роль в формировании новой архитектуры безопасности на Ближнем Востоке. В происходящем в Сирии так или иначе вовлечены все основные региональные и глобальные игроки – Турция, Иран, Ирак, Саудовская Аравия, Россия, США, ОАЭ, Израиль, Иордания, Ливан. Результаты сирийской гражданской войны и борьбы за власть между участниками будут определять параметры вновь сформированной системы региональной безопасности. Многие эксперты сходятся в том, что бурные процессы, которые мы наблюдаем на Ближнем Востоке, являются четким свидетельством рождения совершенно нового мирового порядка¹⁸.

Вот почему основные региональные игроки – Турция, Иран и Саудовская Аравия – хотя отстаивают свои интересы и позиции в Сирии и в регионе. Это также частично объясняет военное участие России в сирийском конфликте. Кроме того, мы должны учитывать нежелание США играть активную роль в Сирии и регионе в целом и тот факт, что региональные державы начали заигрывать с Россией и выстраивать с ней конструктивное взаимодействие с тем, чтобы диверсифицировать портфель своих партнерских отношений. Имея противоречащие друг другу интересы (что, однако, не исключает и возможности их частичного совпадения), Турция, Иран и Саудовская Аравия стремятся улучшить свои отношения с Россией, чтобы усилить свои позиции в противостоянии друг с другом. Достаточно успешный трехсторонний формат регионального сотрудничества Москвы с Ираном и Турцией свидетельствует о способности акторов, имеющих немало разногласий, формировать эффективно функционирующее партнерство.

При этом Москва последовательно развивает связи с традиционными союзниками США в регионе — Израилем, Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом, Кувейтом, Иорданией, Катаром и др., — что позволяет ей выступать в роли «беспристрастного посредника» в регионе. Будучи равноудаленной от всех сторон в конфликтах в Йемене, Ливии, между палестинцами и израильтянами, а также от раскола между государствами Персидского залива, Россия демонстрирует способность выступать посредником в широком региональном контексте. Более того, Россия является единственной страной из внешних участников, на которой не висит груз неприглядного колониального

¹⁸ Ближний Восток: родовые схватки нового мирового порядка // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 16.10.2018. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/the-middle-east-birth-pains-of-a-new-world-order/>

прошлого. Россия не принимала участия в крупномасштабных региональных войнах, как это делали США, и поддерживает рабочие отношения со всеми региональными игроками.

Представляется, что в ближайшие годы Россия помимо Сирии сосредоточит внимание на разработке двух основных направлений своей региональной политики. Первое направление – продвигать себя в качестве посредника в регионе путем создания действенного механизма, помогающего крупным региональным державам решать возникающие проблемы (например, в Ливии, Йемене). Второе направление – обеспечить свою влияние в регионе без непосредственного активного участия в происходящих в нем событиях и получения при этом выгод, предоставляемых региональной средой. По сути, недавнее российское предложение о концепции коллективной безопасности¹⁹ в зоне Персидского залива наглядно подтверждает тот факт, что Москва стремится продвигать свое видение и вышеупомянутые цели.

Хотя Россия и укрепляла свои связи с региональными игроками, имеющими больше возможностей влиять на ситуацию на местах, ее региональная политика отдает приоритет уклонению от слишком активного участия в регионе, поскольку цена этого очень высока. Вместе с тем, Россия добилась успеха, используя для достижения своих целей в Сирии преимущественно жесткую силу. Однако Москве необходимо разработать формулу, которая в долгосрочной перспективе сможет превратить военные успехи в экономическое и политическое влияние и принести дивиденды в регионе в целом. Если России удастся в этом преуспеть, то ее роль в формирующейся архитектуре региональной безопасности будет весьма влиятельной.

¹⁹ Российская концепция коллективной безопасности в зоне Персидского залива // Министерство иностранных дел Российской Федерации 23.07.2019. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/3733575?p_p_id=101_INSTANCE_xIEMTQ3OvzcA&_101_INSTANCE_xIEMTQ3OvzcA_languageId=en_GB

Об авторах

С российской стороны:

Андрей Картунов, канд. ист. наук, генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД)

Алексей Хлебников – эксперт Российского совета по международным делам (РСМД)

С иранской стороны:

Мехди Санаи, доктор философии в области политических наук; основатель Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS); доцент Тегеранского университета; Чрезвычайный и Полномочный Посол Ирана; Советник министра иностранных дел Исламской Республики Иран

Махмуд Шури, доктор философии в области международного права; заместитель директора Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS), преподаватель Тегеранского университета

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) – некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повысить эффективность внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную образовательную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Члены РСМД – это ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей КОРТУНОВ. В 1995–1997 гг. Андрей КОРТУНОВ занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

Центр по изучению Ирана и Евразии

Центр по изучению Ирана и Евразии, более известный как IRAS и основанный в 2004 г., является независимым, некоммерческим, неправительственным аналитическим и издательским центром, который базируется в Тегеране и ориентирован на анализ и продвижение понимания ключевых проблем и текущих политических тенденций в Евразии и на Южном Кавказе.

Миссия IRAS заключается в распространении объективного и реалистичного понимания иранских интересов в Евразии и на Южном Кавказе, продвижении политики для их защиты и укрепление регионального сотрудничества между Ираном и соседними государствами.

Исследования IRAS ведутся по восьми основным направлениям: оборона и безопасность, энергетика и охрана окружающей среды, экстремизм и терроризм, региональное сотрудничество, мир и конфликты, политика и выборы, общество и культура, а также торговля и экономика, которые включают в себя региональные программы по Центральной Азии, Южному Кавказу, Восточной Европе, Китаю и России.

Основная задача IRAS проста и сложна одновременно: IRAS оказывает экспертную поддержку политикам и лицам, определяющим политический курс страны, в принятии основных решений. Данные решения должны основываться на актуальной доступной информации, которая подкреплена точными данными, наиболее сильными методиками и самыми яркими умами.

Исследования IRAS основываются на точности и беспартийности. Независимо от спонсора исследования или подхода иранского правительства к определённой проблематике, исследования IRAS всегда свободны от коммерческой и идеологической односторонней предвзятости. Исследования рецензируются как собственными, так и внешними специалистами. Тщательность и контроль качества в исследованиях является той составляющей, которая делает институт доверенным источником экспертизы и анализа по проблемам Евразии и Южного Кавказа.

IRAS ведёт свою работу прозрачно и открыто. Приверженность Института IRAS к интересам общественного блага также подразумевает, что Центр своими исследованиями пытается быть востребованным как можно более большим количеством людей, а не только политиками, экспертами и научными сотрудниками. Все отчеты IRAS доступны для свободного и бесплатного пользования из любой точки мира.

В итоге IRAS под руководством и при экспертном участии некоторых выдающихся иранских ученых стремится к тому, чтобы быть признанным в качестве выдающегося аналитического центра с региональным фокусом, а также наиболее надежным иранским источником политических идей и анализа по евразийской и кавказской тематике.

Для заметок

Для заметок

**Российский совет по международным делам
Центр по изучению Ирана и Евразии**

**РОССИЯ И ИРАН В СИРИИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ:
ПРЕДСТОЯЩИЕ ВЫЗОВЫ**

Рабочая тетрадь № 59/2020

Верстка — О.В. Устинкова

Источник фото на обложке: REUTERS/Omar Sanadiki/Pixstream

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Тираж 250 экз.

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс.: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8